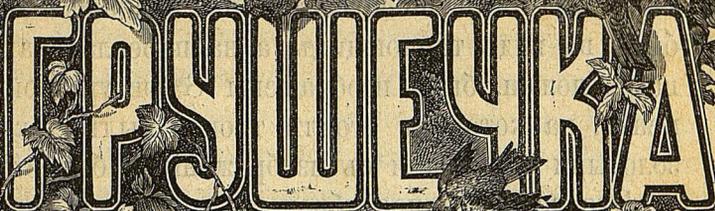

№ № 34-35

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕГЕРМАНЪ Г.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Фидій. А. Толмѣровой. — II. Заколдованное озеро. Nonso. — III. Родя. (Стих.). Петра Вейнберга. — IV. Деревенскій священникъ. Р. Ловягиной.

Ф И Д І Й.

(Окончаніе).

ПИТЕРЪ, сдѣланный Фидіемъ для храма въ Олимпіи, имѣлъ болѣе 40 футовъ вышины. Онъ былъ изображенъ сидящимъ на великолѣпномъ тронѣ. Его одежда была сдѣлана изъ золота и украшена различными фигурами и лиліями. Драгоцѣннѣе, чѣмъ сама статуя, былъ тронъ, на которомъ онъ сидѣлъ, и скамья, на которой покоились его ноги. Тронъ и скамья, сдѣланные изъ чернаго

дерева и слоновой кости, были украшены золотомъ и драгоценными камнями, но, такъ какъ статуя была страшно тяжела, то тронъ, кромѣ четырехъ ножекъ, подпирали четыре столба. Около ножекъ трона мѣщались 24 фигуры побѣды, въ видѣ танцовщицъ, а на перекладинахъ, соединяющихъ ножки, были изображены 8 фигуръ бойцевъ. Постаментъ, на которомъ стоялъ тронъ, былъ также украшенъ золотыми рельефами съ изображеніями божествъ.

Это великолѣпное убранство придавало еще болѣе величія изображенному богу.

Фидій представилъ въ Юпитерѣ не только отца боговъ, но и могущественнаго властителя Олимпа.

Статуя эта пережила бога, котораго изображала: она сгорѣла вмѣстѣ съ храмомъ только въ V вѣкѣ нашего лѣтосчисленія. Мраморная статуя, извѣстная подъ названіемъ „Юпитера дома Вероспи“, о которой я упомянула и которая находится въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ, можетъ дать идею объ оригиналѣ.

Если „Юпитеръ“ Фидія былъ воплощеніемъ идеи о самомъ возвышенномъ, то его Афина-Дѣва представляла собой, при красотѣ формъ, высокое выраженіе нравственной чистоты. Наконецъ, если мы вспомнимъ древнее изреченіе, что только одинъ Фидій созерцалъ боговъ и онъ одинъ показалъ ихъ людямъ, то о немъ можно сказать, какъ древніе говорили о Гомерѣ, что онъ создалъ грекамъ ихъ боговъ.

Въ этой то силѣ концепціи и состоитъ превосходство Фидія надъ другими древними художниками-ваятелями. Онъ первый далъ жизнь, характеръ и внутреннее выраженіе статуямъ боговъ. До него греческое искусство занималось одними внѣшними формами человѣческаго тѣла. Фидій первый выразилъ внутреннюю духовную красоту, чему нагляднымъ доказательствомъ служатъ его скульптурныя работы въ Парѳенонѣ.

Этотъ храмъ, воздвигнутый въ Акрополѣ (на горѣ) въ честь покровительницы Аѳинъ, Афины-Дѣвы, къ несчастію потерпѣлъ и отъ времени и отъ различныхъ нападѣй. Въ VII

вѣкъ онъ былъ превращенъ въ христіанскую церковь, затѣмъ въ 1456 году въ турецкую мечеть. Но болѣе всего онъ пострадалъ въ 1687 году, когда венеціанцы осаждали Акрополь, занятый турками. Бомба пробила мраморную крышу храма, зажгла сложенный въ немъ турками запасъ пороха; произошелъ взрывъ и разорвалъ зданіе на двѣ части. Овладевъ въ послѣдствіи Акрополемъ, венеціанцы-побѣдители грабили художественныя произвенія на сколько могли. Такимъ образомъ, частію венеціанцами, а частію англичанами фронтковыя украшенія Парѳенона были развезены по разнымъ мѣстамъ. Большая часть изъ нихъ находится въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ, но есть также кое что и въ Копенгагенѣ.

Кромѣ упомянутыхъ остатковъ скульптуры, сохраняющихся въ Британскомъ музеѣ, въ Парижской библіотекѣ находятся рисунки съ фронтovýchъ группъ, украшавшихъ Парѳенонъ; эти рисунки были сдѣланы не задолго до разрушенія Парѳенона французскимъ живописцемъ Карреемъ.

Говоря о Фидіѣ, нельзя не сказать о Периклѣ и вообще о средѣ, въ которой жили и дѣйствовали эти замѣчательные люди.

Перикль руководилъ государствомъ, какъ военачальникъ, какъ довѣренное лицо всѣхъ гражданъ, наконецъ, какъ блюститель общественныхъ построекъ и художественныхъ предприятий. Наука, искусство, торговля, промышленность расцвѣли при немъ. Художники, поэты, ораторы, историки, мыслители находили въ немъ своего покровителя. Сверхъ того, онъ первый доставилъ возможность бѣднымъ людямъ участвовать въ государственныхъ дѣлахъ и поставилъ ихъ передъ закономъ и судомъ наравнѣ съ богатыми и знатными.

Когда государственная казна была перевезена съ острова Делоса въ Аѳины, Перикль большую часть ея употребилъ на укрѣпленіе государства и украшеніе его постройками и изваяніями; въ этомъ ему помогаль его другъ Фидій.

Такъ жилъ Перикль, а когда умиралъ, то лучшіе изъ гра-

жданъ окружили его постель и, думая, что онъ уже скончался, стали прославлять его величіе. Говорили, что онъ соединялъ въ себѣ всѣ благородныя стремленія прошлаго и былъ свободнымъ вождемъ свободного народа.

Услышавши это, Перикль вдругъ открылъ еще разъ глаза и спросилъ:

„Отчего вы умалчиваете о лучшей сторонѣ моей дѣятельности, о томъ, что ни одинъ аѳинянинъ не надѣлъ изъ за меня траура“.

Во второй половинѣ 6-го столѣтія на долю художниковъ выпалъ счастливый жребій—изготавливать почетныя статуи побѣдителей на общественныхъ играхъ. Въ это время въ Греціи было уже нѣсколько знаменитыхъ мастеровъ—изъ школы Агелада въ Аргосѣ вышли: Фидій, Поликлетъ и Миронъ.

Такимъ образомъ, Аѳины, передовые въ битвѣ за независимость, сдѣлались образовательнымъ центромъ Греціи и ея столицею, а въ борьбѣ съ сосѣдями, особенно со Спартой, окрѣпли еще болѣе.

Почва Аттики была не особенно щедро надѣлена природою и требовала трудовъ со стороны жителей; но чистое небо возбуждало въ нихъ ясность духа, а море оживляло его и дѣлало независимымъ. Жители Аттики были рѣшительны, бойки, находчивы и умѣли цѣнить какъ труды, такъ и часы досуга.

Величайшіе мыслители того времени пріѣзжали на временное или постоянное житъе въ Аѳины, гдѣ свобода господствующаго духа присоединялась къ народно-поэтической культурѣ.

Когда Фидій окончилъ своего знаменитаго Юпитера и вернулся въ Аѳины, тамъ уже началось движеніе партіи, которая хотѣла свергнуть Перикла.

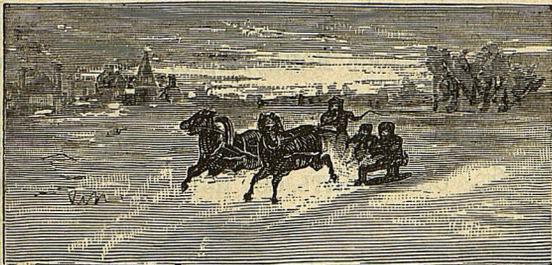
Фидій, другъ и сторонникъ Перикла, палъ первой жертвой толпы. Его обвиняли въ кражѣ золота, которое было выдано на статую Аѳины - Дѣвы. Но такъ какъ золотая одѣжда богини снималась, то, взвѣсивъ ее на вѣсахъ, было

легко опровергнуть обвиненіе. Но для враговъ его этого было недостаточно. Они стали обвинять его въ святотатствѣ—говорили будто онъ, на щитѣ богини Аѳины, изобразилъ себя и Перикла. Великій художникъ былъ заключенъ въ темницу, гдѣ вскорѣ и умеръ—какъ говорятъ отъ яда—68 лѣтъ отъ роду.

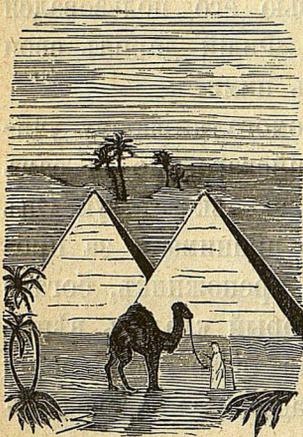
По смерти Фидія, кромѣ его великихъ работъ, Греціи остались его ученики. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Алкамень. Онъ, слѣдуя по пути своего славнаго учителя, установилъ для цѣлаго ряда божествъ новые типы, сродные типамъ, созданнымъ Фидіемъ. Учениковъ у Фидія было множество, но особенной любовью его пользовался Агоракритъ съ острова Пароса. Ему Фидій дарилъ свои работы и позволялъ подписываться подъ ними.

Ученикъ его Колотій не только помогаль своему учителю при исполненіи Юпитера Олимпійскаго, но и самъ изваяль изъ золота и слоновой кости нѣсколько статуй. Онъ сдѣлалъ также статую Аѳины, которую принимали за произведеніе Фидія. Имъ же былъ сдѣланъ треножникъ, богато украшенный изваяніями боговъ и на который клались вѣнки побѣдителей въ Олимпіи. Вліяніе Фидія было громадно, и высокая идеальность его стиля отразилась на произведеніяхъ его послѣдователей.

А. Толивірова.

ЗАКОЛДОВАННОЕ ОЗЕРО.

Легенда.

НОГО лѣтъ тому назадъ, когда были еще рыцари, замки съ подъемными мостами и когда вѣрили въ колдуновъ, привидѣнія и волшебницъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь бѣлѣютъ груды развалинъ, возвышался обширный и высокій монастырь, окруженный толстыми, неприступными стѣнами, спускавшимся къ самому озеру. Попала туда, неизвѣстно какими судьбами, молодая дѣвушка-красавица, богатой, знатной семьи, которую игуменьѣ хотѣлось постричь въ монахини, чтобъ все состояніе ея досталось монастырю. Въ тѣ времена, говорятъ, нерѣдко дѣлались такія дѣла. Но у красавицы былъ женихъ, храбрый молодой рыцарь, который только объ томъ и мечталъ, чтобъ освободить ее изъ заточенія и жениться на ней. Для этого надобно было условиться, какимъ образомъ устроить свое дѣло, вотъ они и назначили видаться ночами, чтобы никто ихъ не замѣтилъ. Такъ какъ рыцарь жилъ на противоположномъ берегу озера, и подѣзжать

въ лодкѣ къ монастырскимъ стѣнамъ было опасно—плескъ весель какъ разъ выдалъ бы ихъ тайну—то рыцарь, который былъ отличный пловецъ, переплывалъ озеро вплавъ и возвращался точно такимъ же путемъ обратно. Въ ту ночь, когда рыцарь долженъ былъ плыть къ своей невѣстѣ, она стала свѣчу на окнѣ своей кельи. Все шло отлично; день назначенный для побѣга былъ назначенъ, какъ вдругъ, одна изъ подругъ узнала ея тайну и донесла настоятелю монашества. Поднялся страшный переполохъ. Собрался совѣтъ изъ всѣхъ монахинь; на немъ рѣшено было преступницу заключить въ мрачное подземелье, что и было немедленно приведено въ исполненіе. А чтобъ наказать и рыцаря, выбрали бурную ночь и поставили зажженую свѣчу на окно въ комнатѣ несчастной дѣвушки, въ увѣренности, что при видѣ этого сигнала, рыцарь не посмотритъ ни на бурю, ни на вѣтеръ, пуститься вплавъ къ монастырской стѣнѣ, и не ошиблись. Завидѣвъ свѣчу на окнѣ, онъ неустрашимо бросился въ бушевавшія волны, но онѣ вздымались такъ высоко и съ такой силой, что онъ не могъ съ ними долго бороться, и на другой день, тѣло его выкинуло прибоемъ воды на берегъ.

— Ну вотъ, у насъ въ народѣ и ходитъ слухъ, продолжалъ старикъ, будто призракъ несчастнаго рыцаря, погибшаго безъ покаянія, плаваетъ по озеру въ бурную погоду и цѣпляется за лодки тѣхъ рыбаковъ, что пустились въ путь не помолившись Богу. Можете себѣ представить, какъ мнѣ жутко сдѣлалось, когда я вспомнилъ про всѣ эти страсти! Ну, вотъ видится мнѣ въ туманѣ утопленникъ, да и все тутъ! Я отъ него, а онъ ко мнѣ, и какъ будто руки свои ко мнѣ протягиваетъ... И чудится мнѣ среди плеска волнъ и воя вѣтра его голосъ: „пойдемъ на дно, пойдемъ“... я отъ него, и не замѣчаю кольевъ, торчащихъ изъ воды, и угораздило меня сунуться между ними, а тамъ веревки были протянуты для неводовъ; лодка моя какъ зацѣпитъ за нихъ, да перекувырнется вверхъ дномъ!.. Ну, думаю, конецъ на-

сталъ! Молитву читаю. Но видно не суждено еще было помирать—нога моя ощупала камни, руками я схватился за веревки и, самъ не знаю какъ добрался до сухого мѣсто; махнувъ рукой на лодку, которую все равно не могъ бы вытащить одинъ. Тамъ ее и нашли лѣтомъ.

То черное, что я завидѣлъ съ озера, была крыша дома, стоявшаго у самой воды. Весь мокрый дотащился я до двери и началъ стучать въ нее — заперта. Обошелъ кругомъ—у всѣхъ оконъ ставни заперты. Да и понятно, кто же въ такой праздникъ сидитъ дома?—и старый и малый всѣ въ церкви, кто же далеко живетъ, тотъ и обѣдать домой не возвращается, а гдѣ нибудь въ трактирѣ поѣсть, особливо въ въ дурную погоду! Идти дальше въ промокшемъ насквозь платьѣ нечего было и думать, хоть ложись да помирай такъ и то въ пору! Вдругъ, слышу корова мычить... Голубушка! Какъ я ей обрадовался! А еще больше тому, что дверь въ стойла была только приперта снаружи. Вошелъ, тепло такъ, сѣномъ пахнетъ, въ углу ведро пустое стоитъ. Я скорѣе сбросилъ съ себя платье долой, зарылся въ сѣно, и чтобъ согрѣться, придвинулся поближе къ коровѣ, а она глядитъ на меня такими добрыми глазами, ну, вотъ точно понимаетъ мое несчастное положеніе. Мууу! Мууу! чтожь ты не подоишь меня?

— Я, сударыня, отроду ничего не бралъ чужого и къ тому же у меня въ карманѣ деньги были, чтобъ заплатить за ѣду, но тутъ долженъ сознаться, что не будь у меня ни гроша, я бы и тогда не могъ бы воздержаться отъ искушенія напиться парного молочка, такъ меня, всего растрепала ночь на водѣ. Взялъ я ведро, надоилъ въ него молока, выпилъ его, завалился снова въ сѣно и заснулъ такъ крѣпко, что когда проснулся, уже наступила опять ночь. Платье мое успѣло высохнуть; я надѣлъ его и ошущью выбрался изъ стойла, въ полной увѣренности, что хозяева уже вернулись домой. Я не ошибся: передъ крыльцомъ стояла отпряженная телега, которой я утромъ не замѣтилъ, но въ окнахъ не видно было

огня; всѣ спали вѣрно, и пребываніе мое въ стойлѣ такъ и осталось незамѣченнымъ: никто туда не заглянулъ, опрокинутую же близъ берега лодку трудно было различить въ туманѣ. Однако, этотъ проклятый туманъ начиналъ проясняться: я разглядѣлъ двѣ три звѣздочки на небѣ, и можно было надѣяться, что къ утру отъ него не останется и слѣда. Я вышелъ на дорогу и отправился домой.

— Какъ? вскричала я, не дождавшись утра?

— Къ чему было ждать, сударыня? На большой дорогѣ я сбиться ужъ не могъ, да признаться сказать, меня и домой порядкомъ тоже тянуло. Моціонъ послѣ купанья всегда полезенъ. Рѣшивъ расплатиться за молоко, когда приду за лодкой, я зашагалъ по шоссе такъ быстро, что утро еще не занималось, когда я сталъ подходить къ нашей деревнѣ. Всѣ спали, во всѣхъ домахъ было темно, но у насъ мерцалъ огонекъ. Подошелъ я, глянулъ въ окно моей старухи: горитъ ночникъ, старуха моя сидитъ въ углу и плачетъ, а сынъ стоитъ передъ ней понуря голову; оба грустные прегрустные. Внучата спятъ, невѣстка меньшаго укачиваетъ, а у самой глаза красные—видно тоже плакала.

— Тутъ я не вытерпѣлъ, заколотилъ въ окно и кричу:— чего вы горюете? Вотъ я! Живъ и цѣлъ, славу Богу! отворяйте скорѣе дверь!

— Перепугались страшно, видно приняли за привидѣніе. Бабы завизжали, попрытались одна за другую, но сынъ прикрикнулъ и бросился къ двери.

— Ты ли это, батюшка?

— Кому же быть, какъ не мнѣ? Живъ, говорятъ тебѣ!

И вошелъ въ комнату.

— Ну, тутъ, сударыня, вы сами можете себѣ представить, какая была радость! Всего меня оцупали, чтобъ увѣриться, что я тотъ самый и есть, стали закидывать вопросами. Я скомандовалъ: ѣсть! И окончательно доказалъ имъ этимъ, что передъ ними живой человѣкъ, а не призракъ. Наѣвши, я рассказалъ имъ всѣ свои приключенія. Старуха все

это выслушала молча, даже браниться съ перепугу забыла, да съ той поры и бросила совѣмъ ворчать на меня! Видно совѣстно стало, что изъ за ея воркотни я такой смертельной опасности цѣлую ночь подвергался, прибавилъ рассказчикъ, лукаво подмигивая. На другой день всѣ сосѣди собрались посмотрѣть на меня, даже господинъ пасторъ и господинъ докторъ пришли. Разъ двадцать заставляли меня рассказывать, какъ я кружился по озеру.

— А все таки струсили, когда про „монастырскаго утопленника“ вспомнили? замѣтила я ему со смѣхомъ.

— Мало ли что можетъ человѣку пригрезиться, когда онъ одинъ ночью, въ чужомъ мѣстѣ, а къ тому же голодень и усталъ до смерти! И вѣдь потомъ оказалось, что лодка моя за колья зацѣпилась да опрокинулась.

Старикъ смолкъ, я поблагодарила его за рассказъ и мы разстались.

Нѣсколько минутъ спустя, я шла одна по берегу заснуващаго озера.

— Заколдованное! подумала я, любуясь отраженіемъ луны въ его неподвижныхъ, прозрачныхъ какъ зеркало водахъ, И вся эпопея старика Петера пронеслась въ моемъ воображеніи такъ живо, что вернувшись домой, я написала ее.

NONSO.

РОДЯ.

(Новогреческая народная сказка).

ОКОНЧАНИЕ.

ОЛЬКО тутъ не долго счастье длилось.

Мойры *) Родѣ, при ея рожденъи,

Предсказали, что бѣда большая

Съ ней стрясется скоро послѣ свадьбы...

Миноваль годъ первый. Черепахи

Принесли весну. Настало время,

Чтобъ дитя родилось у принцессы.

Узнають про это злыя сестры,

Во дворецъ идуть и объявляютъ,

Что онѣ первѣйшія на свѣтѣ

Повитухи, и принять ребенка

Позволенья просятъ. Но какъ только

Ихъ впустили въ комнату принцессы,

Всѣхъ онѣ повыслали оттуда:

Страшно, молъ, что кто нибудь по злобѣ

Можетъ вдругъ заколдовать ребенка!

Такъ однѣ онѣ остались съ Родей,

И оставшись, въ голову воткнули

Шпильку ей волшебную—и Родя

Превратилась въ маленькую птичку

И въ окно раскрытое порхнула.

А одна сестра въ ея постели

*) Греческія богини судьбы.

Улеглась,—и принцъ новорожденный
 Съ ней рядкомъ. Приходить королевичъ
 На дитя взглянуть—и испугался:
 Передъ нимъ жена уродъ-уродомъ.
 И она ему сказала: „видишь,
 Мой супругъ, какъ страшно я отъ болей
 Подурнѣла!“ Принцъ тотчасъ же вышелъ,—
 И жену съ минуты этой вовсе
 Разлюбилъ.

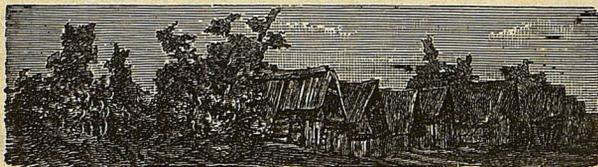
Быль у него роскошный,
 Дивный садъ. Роса струилась съ неба
 Круглый годъ. Деревья всѣ имѣли
 Золотые листья; между ними
 Красовались всѣ цвѣты земные,
 И приказъ отъ короля былъ отданъ—
 Сорока рабочимъ ежедневно
 Поливать ихъ сахарной водою
 И виномъ мускатнымъ. Королевичъ
 Каждый день одинъ сюда на завтракъ
 Приходилъ. И вотъ къ нему однажды
 Прилетаетъ маленькая птичка,
 Передъ нимъ садится и такую
 Рѣчь ведетъ: „скажи ты мнѣ, мой милый,
 Хорошо-ли спали нынче ночью
 Принцъ, принцесса, сынъ новорожденный?“
 Отвѣчаетъ королевичъ: „спали
 Мы всѣ трое хорошо“. А птица
 Говоритъ: „отнынѣ ужъ принцесса
 Какъ заснетъ, такъ не проснется больше;
 Всѣ-жъ цвѣты въ саду и всѣ деревья,
 До которыхъ я крыломъ коснуся,
 Будутъ сохнуть, пропадать на вѣки!“

Вотъ проходятъ дни, недѣли. Птичка
 Все летаетъ,—и чего коснется,
 Сохнетъ все—цвѣты, кусты, деревья;—
 Обнажился, вымеръ садъ роскошный.
 Умертвить садовники хотѣли
 Злую птицу,—запретилъ царевичъ.
 А она опять, чуть только сядетъ
 Кушать онъ, летить къ нему, и скоро

Приручилась такъ, что стала крошки
На столѣ клевать, и разъ усѣлась
На его колѣняхъ. Тутъ замѣтилъ
Королевичъ, что воткнута шпилька
Въ голову у птички. Осторожно
Онъ ее вытаскиваетъ,—что-же?
На его колѣняхъ снова Родя,
Но еще прекраснѣе, чѣмъ прежде.

Тутъ велѣлъ онъ заключить въ темницу
Злыхъ сестеръ и присудилъ ихъ къ смерти.
Но за нихъ съ горячими слезами
Заступилась Родя—молить мужа
Не лишать ихъ жизни. Принцъ и слышать
Не желаетъ,—Родя плачетъ горше,
Плачетъ такъ, что Никтерида-фея
Къ ней пришла на помощь,—стала съ дочкой
Умолять. И предоставилъ сестрамъ
Принцъ на выборъ—умереть сейчасъ же,
Или жить въ его дворцѣ остаться
И имѣть передъ глазами вѣчно
Счастье Родя, младшей ихъ сестрицы.
Тѣ сказали: „нѣтъ, умремъ мы лучше!“—
И отъ злости лопнули на мѣстѣ.

Петръ Вейнбергъ.

ДЕРЕВЕНСКИЙ СВЯЩЕННИКЪ.

В ИКАРІЙ былъ глубоко потрясенъ.

О Господи! Твои пути не исповѣдимы! сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ; ничтожная косточка привела грѣшника къ покаянію.

Затѣмъ онъ обратился къ умирающему съ утѣшеніемъ глубоко растрогалъ его и привелъ его къ сознанію свое преступной жизни.

— Призывали ли вы медика? спросилъ Мельвинъ жену больного;—нельзя ли ему помочь.

— Никакой докторъ не поможетъ ему, отвѣча женщина, да ни одинъ и не пойдетъ въ нашу хижину.

Мельвинъ спросилъ себѣ соли, растеръ щепотку и велѣлъ больному носомъ втягивать соль въ себя. Это заставило его сильно чихать, а викарій въ тоже время слегка поколачивалъ его по спинѣ своей широкой рукой.

— Боже милосердный! вдругъ скрикнулъ больной—кость выпала, и, спустившись съ постели, обнялъ колѣни викарія.

— Не мнѣ, а Богу принесите вашу благодарность, говорилъ тронутый Мельвинъ, и живите похристіански.

— Что же вы думаете предпринять теперь? спросилъ викарій.

— Если вы привлечете меня къ суду, я буду повѣшенъ, сказалъ Дудлей.

— Избави Богъ, отвѣчалъ викарій, открыть тайну, которую вы повѣрили мнѣ на исповѣди! Наказаніе Божіе можетъ постигнуть.

— За покраденные сосуды, въ Лондонѣ дали только три фунта стерлинговъ, сказалъ Дудлей.

— Если бы я могъ развязаться съ Паткинсомъ и Валькеромъ, то сдѣлалъ бы сдѣлаться честнымъ человѣкомъ.

— Такъ это вы—Шлапсъ, какъ васъ называли ваши товарищи въ церкви?

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Помолитесь за меня, вздыхая сказалъ Дудлей, и посоветуйте что я долженъ дѣлать?

— Избѣгайте вашихъ товарищей, а если возможно, постарайтесь обратить ихъ на путь истинный, и возвратить украденное церковное имущество. Я говорю это не ради себя, а ради васъ самихъ.

— У меня не осталось ни одной мѣдной монеты, горько воскликнулъ Дудлей.

— Добро, приобрѣтенное незаконнымъ образомъ, не прочно, сказалъ Мельвинъ. Молите Бога о прощеніи и старайтесь сдѣлаться честнымъ человѣкомъ.

— Ваше преподобіе! воскликнулъ Дудлей, падая къ ногамъ викарія, простите мнѣ все зло, что я сдѣлалъ вамъ и семьѣ вашей.

— Да проститъ и благословитъ васъ Господь Богъ, какъ и я, смиренный служитель Его, отъ искренняго сердца прощаю и благословляю васъ.

Осыпавшій благословеніями и благодарностію, викарій покинулъ хижину и съ великой радостью поспѣшно возвратился домой.

V.

Мальчикъ съ обезьяной.

Быль холодный, ненастный вечеръ. Мальчикъ лѣтъ 10, бѣдно одѣтый, приблизился къ дому пастора Виквиля. На плечѣ его сидѣла обезьяна, крѣпко обхвативши одной рукой его за шею. Бѣдное животное дрожало отъ холода. Долго стучался мальчикъ у дома, и когда дверь отворилась, то попросилъ показавшагося слугу доложить о немъ его господину. Увидавши пастора, мальчикъ сказалъ умоляющимъ голосомъ.

— Милостивый государь! сжальтесь надо мной и надъ моимъ бѣднымъ дрожащимъ отъ холода Жакомъ, позвольте намъ переночевать у васъ. Мы цѣлый день странствовали по холоду и не заработали ни одного пенни. Мой Жакъ продѣлаеть передъ вами тысячу разныхъ штукъ, если позволите ему немного обогрѣться.

Пока говорилъ мальчикъ, обезьяна пристально смотрѣла на пастора своими пронизательными глазами.

— Это что! это что! ворчалъ пасторъ. Мой домъ не гостиница и не постоялый дворъ для бродягъ и лѣнтыевъ. Ступай своей дорогой.

— Я не могу идти дальше, говорилъ мальчикъ, едва держась на ногахъ отъ усталости и голода. Никто не хочетъ приютить меня съ моимъ Жакомъ. Мнѣ сказали, что вы богаче всѣхъ въ этой мѣстности.

— Безсовѣстная ложь! воскликнулъ Виквиль; мнѣ и самому вѣсть будетъ нечего, если стану кормить нищихъ.

— Я не нищій, возразилъ мальчикъ, мой Жакъ дѣлаеть всевозможныя штуки;—еслибъ вы только взглянули на нихъ!

— Нечего сказать, дѣло дѣлаете! Марель! дай мальчишкѣ кусокъ хлѣба и пусть убирается.

— Сжальтесь, умолялъ мальчикъ, надъ моимъ бѣднымъ Жакомъ. Посмотрите, какъ онъ дрожитъ. Я привыкъ къ холоду, а онъ нѣтъ. Говоря это, мальчикъ нѣжно взглянулъ на обезьяну.

— Жакъ мой лучший, мой единственный другъ, несмотря на то, что я иногда бью его, чтобы онъ понималъ какой нибудь новый фокусъ, онъ никогда не сердиться.

— Ступай своей дорогой, повторилъ Виквиль, нисколько не трогаясь его словами.

— Не допущу Жака умереть съ голода и холода, сказалъ печально мальчикъ; возьмите его себѣ. Говоря это ребенокъ подалъ пастору свою обезьяну.

Горячія слезы полились изъ глазъ его; обезьяна сморщилась и заскрежетала зубами. Возьмите ее—берегите, умолялъ мальчикъ, видя, что Виквиль не беретъ предлагаемаго подарка.

— Боже избави! говорилъ пасторъ. На что мнѣ твоя обезьяна? И безъ того пропасть расхода.

— По крайней мѣрѣ, позвольте намъ переночевать въ вашей конюшнѣ, продолжалъ просить мальчикъ.

— Я сказала, убирайся! Вотъ тебѣ большой кусокъ хлѣба и пенни; за пенни можешь ночевать у кого нибудь изъ крестьянъ на деревнѣ.

Волей-неволей, продрогшій мальчикъ долженъ былъ удалиться со своей обезьяной; обезьяна взяла отъ своего плачущаго хозяина половину хлѣба, и дрожащей отъ холода рукой поднесла ее ко рту. Вскорѣ мальчикъ и обезьяна скрылись въ темнотѣ.

На слѣдующее утро, Мельвинъ проснулся чуть свѣтъ и собрался идти къ пастору, чтобы переговорить съ нимъ насчетъ похоронъ Мили.

Не доходя немного до дома Виквиля, онъ остановился, пораженный ужаснымъ зрѣлищемъ; прислонившись спиною къ обвалившейся садовой стѣнѣ, сидѣлъ на обломкѣ съезжившись, мальчикъ съ обезьяной на колѣняхъ, крѣпко охватившей ее обѣими руками. Подлѣ нихъ лежалъ кусокъ черстваго хлѣба; мальчикъ казался спящимъ. Когда викарій подошелъ къ нимъ ближе, обезьяна съ трудомъ приподняла голову и грустно посмотрѣла на него угасающимъ взоромъ.

Мельвинъ тщетно пробовалъ привести мальчика въ чувство; онъ былъ недвижимъ. Обезьяна печально посмотрѣла и снова опустила голову на грудь ребенка.

Викарій быстро пошелъ къ пастору и разсказалъ ему все это.

— Дайте мнѣ вашего слугу, продолжалъ онъ; мы перенесемъ къ вамъ несчастнаго мальчика. Можетъ можно еще спасти его.

— Что я буду съ нимъ дѣлать, сказалъ пасторъ! У васъ умеръ ребенокъ, вы можете за одно съ нимъ похоронить и замерзнувшаго мальчика, а я освобождаю васъ за это отъ платы за погребеніе малютки.

Викарій серьезно посмотрѣлъ на пастора.

— Вы непременно этого желаете? спросилъ онъ.

— Конечно, отвѣчалъ Виквилъ.

Не говоря ни слова, викарій простился съ пасторомъ, съ помощью слуги его взвалилъ мальчика себѣ на спину и поспѣшно отправился домой. Ослабѣвшая обезьяна добровольно дала себя снять съ груди мальчика и пересѣла на плечо викарія.

Едва дыша отъ усталости, Мельвинъ вошелъ въ свою квартиру.

— Боже мой, еще умершій! сказала Жанна. Дѣти робко окружили отца и обезьяну.

— Дѣти! сказалъ Мельвинъ, принесите снѣга, и когда они исполнили его приказаніе, тогда онъ съ помощью Жанны раздѣлъ мальчика и принялся растирать его снѣгомъ. Вскорѣ въ мальчикѣ показались признаки жизни. Мельвинъ велѣлъ нагрѣть кирпичами свою постель, положилъ на нее ребенка и сталъ быстро растирать его шерстянымъ платкомъ. Слабый вздохъ вылетѣлъ изъ груди мальчика.

— Живъ! радостно вскричалъ Ричардъ.

— Слава тебѣ Господи! отвѣчалъ викарій.

Когда мальчикъ открылъ глаза и увидалъ обезьяну, си-

дящую около него на постели, то слабымъ голомъ проговорилъ.

— Жакъ, ты тутъ еще? Обезьяна отъ радости вертѣлась и кувиркалась. Дѣти были въ восторгѣ.

Вдругъ Элеонора вскрикнула: батюшка, вашъ сюртукъ тлѣетъ.

Викарій, готовя чай и подогревая кирпичи, слишкомъ близко подошелъ къ плитѣ, не замѣтилъ, какъ затлѣлось на немъ одежда.

Боже мой! сказала Жанна, вотъ бѣда! вѣдь это твое лучшее платье.

— Ничего, возразилъ викарій. Я давно не былъ такъ счастливъ, какъ сегодня.

Наступило время нести Мили на кладбище. Съ горячими слезами вынули малютку изъ колыбели и положили въ набитый сѣномъ мучной ящикъ. Викарій поднялъ его, покрылъ своимъ пальто и въ сопровожденіи всей семьи, исключая Ричарда, оставшагося съ ожившимъ мальчикомъ, направился къ кладбищу. Всѣ шли молча. Ящикъ опустили въ могилу, и, когда все было окончено, Мельвинъ поднялъ къ небу глаза, полные слезъ, и сказалъ дрожащимъ голосомъ: „Господи, Ты намъ далъ ее, Ты ее и взялъ,—да будетъ благословенно имя Твое!“

Жанна громко зарыдала.

Послѣ похоронъ вся молчаливая, грустная семья возвратилась домой.

Печальное настроеніе дѣтей вскорѣ было нарушено обезьяной. Она выдѣлывала такія уморительныя штуки, что дѣти не выдержали и расхохотались.

— Мальчикъ здоровъ, сказала съ неудовольствіемъ Жанна своему мужу. Пора ему уходить съ своей обезьяной.

— Я не могу отпустить его такимъ образомъ, отвѣчалъ Мельвинъ. Недостаточно быть проповѣдникомъ слова Божія,—надобно согласовать и слова свои съ поступками.

— Но развѣ мы не сдѣлали, что могли для этого маль-

чика? Мы возвратили его къ жизни, пріютили и накормили.

— Конечно, возразилъ Мевильнъ, за то и вознаграждены величайшимъ счастіемъ.

— Что же ты намѣренъ съ нимъ дѣлать? спросила Жанна.

— Я думаю, что Господь далъ намъ его не для того только, чтобы мы спасли ему жизнь. Онъ выросъ на улицѣ, одинъ, безъ всякаго призора;—Богъ знаетъ, какія дурныя привычки онъ себѣ усвоилъ! а впослѣдствіи, нужда можетъ довести его и до преступленіе. Наша обязанность спасти его отъ этого.

— Но подумай объ нашей бѣдности, о долгахъ, о дѣтяхъ. Неужели ты отнимешь у нихъ хлѣбъ, ради обезьяны?—вѣдь и ее прійдется кормить вмѣстѣ съ мальчикомъ.

— Это правда, отвѣчалъ викарій, обезьяна лишняя, и я не противъ того, чтобы отдать ее, когда найдется хорошій хозяинъ. Но еслибъ ты видѣла съ какой преданностью это животное прикрывало собою своего маленькаго хозяина и съ какимъ умоляющимъ выраженіемъ посмотрѣло на меня, когда я подошелъ къ нему.

— Мука вся вышла, продолжала жена;—завтра и картофель кончится. За хлѣбъ, который мы ѣдимъ сегодня, еще не заплачено, а въ кассѣ у насъ нѣтъ ни одного пенни.

— Посмотри на птицъ небесныхъ, возразилъ викарій, онѣ не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, а Отецъ нашъ Небесный питаетъ ихъ? Развѣ мы не лучше ихъ?

— Съ тобой не сговоришь, прервала его Жанна съ досадой.

— Прости меня, отвѣчалъ Мельвинъ. Я пойду и постараюсь достать денегъ. Вѣроятно, Виквиль на радости, что мальчикъ живъ, не откажетъ мнѣ.

— Дай-то Богъ! сказала Жанна. Но какъ ты пойдешь?—твой сюртукъ въ ужасномъ видѣ.

— Когда приходится вытаскивать утопающаго изъ воды,

отвѣчалъ Мельвинъ, не думаешь, какъ бы не замочить платья. До свиданья!

Черезъ часъ онъ возвратился.

— Удалось ли тебѣ что нибудь сдѣлать? спросила Жанна.

— Лучше надѣяться на Бога, чѣмъ на людей, отвѣчалъ Мельвинъ. Когда я сообщилъ пастору радостную вѣсть и попросилъ въ займы немного денегъ, то онъ спокойно отвѣчалъ: я все знаю; мало съ васъ своей семьи—приняли еще бродягу съ обезьяной. Вы просите денегъ, а не умѣете распоряжаться ими. Я и ушелъ.

— Боже мой! что же намъ дѣлать? Мы не можемъ оставить у себя мальчика съ обезьяной.

— Жаль намъ бѣднаго мальчика, сказали старшія дѣти.

— Жаль и обезьяны, прибавилъ младшій.

— Мы будемъ поменьше ѣсть и побольше работать, снова заговорили дѣти.

Обезьяна, какъ будто понимая, что рѣчь идетъ о ней, вскарабкалась на шкафъ. Завладѣвши шляпой, которую викарій при входѣ положилъ на столъ, она нахлобучила ее себѣ на голову до самаго подбородка. Всѣ разсмѣялись. Даже жена викарія не могла удержаться отъ смѣха.

— Пстой же ты, воръ, сказалъ викарій и потянулся за палкой, чтобы отнять у нея шляпу. Но обезьяна предупредила его. Стащивъ съ головы шляпу, она быстро бросила ее внизъ. Ричардъ подхватилъ шляпу на лету, въ то же мгновенье, изъ нея вылетѣлъ лоскутокъ бумаги.

— Что это такое? воскликнулъ изумленный викарій, поднявши бумажку;—пятифунтовой билетъ.

— Какъ, пятифунтовый билетъ? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Слава Богу, радостно сказала Жанна, кто-то помогъ намъ.

— Жакъ разыскалъ намъ эти деньги, ну теперь никому не отдадимъ его.

— Лучше уповать на Бога, чѣмъ надѣяться на людей, повторилъ глубоко тронутый Мельвинъ.

— Опять будетъ у насъ и хлѣбъ, и картофель, и дрова, и все, что намъ надобно! кричали дѣти.

— Но какимъ же образомъ попалъ этотъ билетъ въ мою шляпу? кто его положилъ туда? разсуждалъ викарій.

— Не о чемъ беспокоиться, замѣтила Жанна: видимо Богъ послалъ.

Викарій глубоко задумался и вдругъ воскликнулъ:

— Пойдите! банковый билетъ не намъ принадлежить. Мы не имѣемъ права расходовать эти деньги, слѣдуетъ возвратить.

— И ты хочешь отказаться отъ помощи Божіей! сказала Жанна въ изумленіи. Ты хочешь, чтобы дѣти умерли съ голода?

— „Не введи насъ во искушеніе“, сказалъ викарій, поднявъ глаза къ небу. То, что я нашелъ—не мое, кротко продолжалъ онъ. Мы не оставили у себя зайца, а вмѣсто него оставляемъ билетъ въ пятьдесятъ разъ дороже.

— Вѣроятно кто-то хотѣлъ подарить тебѣ этотъ банковый билетъ, если положилъ его подъ подкладку твоей шляпы.

— Можетъ быть и такъ, а можетъ быть и нѣтъ, отвѣчалъ викарій. Я объявлю въ газетахъ о найденномъ банковомъ билетѣ.

— Развѣ у тебя есть деньги, чтобы заплатить за объявленіе? спросила Жанна.

Этотъ вопросъ нѣсколько озадачилъ честнаго Мельвина.

Подумавши немного, онъ сказалъ:—Елеонора, Ричардъ! снесите колыбель Мили къ плотнику Боклею и заложите ее за одинъ или за два шиллинга. Вотъ и будутъ деньги заплатить за объявленіе.

VI.

Доброе дѣло не остается безъ награды.

Баронетъ Фарвель вошелъ въ комнату своего друга, Паркера, только что вставшему съ постели.

— Доброе утро! крикнулъ онъ весело, какъ поживаешь?

— Плохо, отвѣчалъ Паркеръ съ досадой. Въ эту ночь я проигралъ слишкомъ триста фунтовъ.

— А, и до тебя дошла очередь проигрывать. А мой рысакъ выигралъ вчера на скачкѣ тысячу шестьсотъ фунтовъ. Я въ отличномъ расположеніи духа и пришелъ спросить тебя, не хочешь ли вмѣстѣ со мной проѣхаться верхомъ?

— Ахъ, Фарвель! я въ страшной тоскѣ;—и самъ не знаю, что со мною! Все надоѣло до смерти. Посоветуй, что мнѣ дѣлать?

— Хорошо, отвѣчалъ Фарвель, попробую тебя полечить. Вотъ мой рецептъ: прежде всего одѣнься, затѣмъ выпей чашку чернаго кофе и выкури хорошую сигару. Послѣ этого поѣздимъ часа два верхомъ рысью на свѣжемъ зимнемъ воздухѣ, потомъ позавтракаемъ, а часовъ въ пять отправимся въ королевскій ресторанъ обѣдать.

— Слышишь, Джонъ? сказалъ Паркеръ своему слугѣ; дѣлай, что приказываютъ.

Джонъ вышелъ и, спустя нѣсколько минутъ, возвратился съ серебряннымъ подносомъ, на которомъ стоялъ кофе на горячей паровой лампѣ и ящикъ съ сигарами, около котораго лежала новая утренняя газета.

— Гдѣ же фитиль зажечь сигару? спросилъ Паркеръ.

Фарвель взялъ газету, сложилъ ее вдвое и подаль своему другу, говоря: „вотъ тебѣ фитиль“.

Готовясь поднести газету къ лампѣ, Паркеръ вдругъ остановился.

— Какъ? вскричалъ онъ, пятифунтовый билетъ?

— Я вчера такъ много выигралъ такихъ билѣтовъ, сказалъ Фарвель, что могу предложить одинъ моему другу.

— Не въ этомъ дѣло, возразилъ Паркеръ.

Онъ взялъ газету, оторвалъ отъ нея клочекъ и, внимательно перечитывая, что на немъ написано, сказалъ: Фарвель, это насъ касается! и громко прочелъ: „въ шляпѣ приходскаго викарія Мельвина, изъ Гленвиля, нашелся банковый билетъ. Лицо, которое докажетъ, что билетъ принадлежитъ ему, можетъ получить его обратно, за вычетомъ расходовъ по объявленію“.

— Я никогда не встрѣчалъ такой глупой честности, сказалъ Фарвель. Это вполне похоже на того человѣка въ потертомъ сюртукѣ, который, за сдѣланную нами ему обиду, прошелъ цѣлую милю, указывая намъ дорогу.

Паркеръ вынулъ изъ кармана записную книжку, вырвалъ изъ нея одинъ листочекъ, написалъ на немъ нѣсколько словъ и, отдавая его слугѣ, сказалъ: напечатать въ „Утреннемъ Листкѣ“.

Потомъ, обратясь къ другу, продолжалъ: „Этотъ благородный поступокъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе. Наконецъ-то мы узнали имя и мѣстожителство этого честнаго викарія.“

Оба друга рассказали своимъ пріятелямъ исторію банковаго билета, а на слѣдующій день, среди новыхъ развлеченій, позабыли и о билетѣ и о викаріѣ.

Прошло три дня. Мельвинъ сидѣлъ и читалъ библію. Жанна принесла блюдо, едва прикрытое картофелемъ, что составляло весь ихъ обѣдъ. Прочитавъ передъобѣденную молитву, викарій снова принялся за чтеніе.

— Развѣ ты не хочешь обѣдать съ нами? печально спросила его жена.

— Не хочу, отвѣчалъ онъ.

Жанна поняла, почему мужъ отказался отъ обѣда. Она положила обратно на тарелку картофелину, которою не успѣла еще откусить, встала и подошла къ окну, незамѣтно

отирая слезы. Войдя въ другую комнату, она увидала мужа своего на колѣняхъ, погруженнаго въ горячу молитву, и тихонько опустилась подлѣ него на колѣни. Нужда въ домѣ достигла до высшей степени: хлѣба не было ни куска, картофель послѣдній.

Помолившись, Мельвинъ обнялъ свою жену.

— Неужели и теперь не размѣняешь банковаго билета, чтобы возвратить по крайней мѣрѣ наши издержки на напечатаніе объявленія? сказала Жанна.

Викарій покачалъ головой.

— Мы еще ни разу не ложились спать голодными; — одинъ разъ не большая бѣда. Мнѣ ужасно жаль, что отпустили бѣднаго мальчика съ его обезьяной.

— Онъ самъ захотѣлъ уйти, когда увидѣлъ, что намъ самимъ ѣсть нечего.

— Не правда ли, съ нимъ какъ будто исчезла радость изъ нашего дома?

Едва викарій произнесъ эти слова, какъ въ сосѣдней комнатѣ раздался громкій радостный крикъ: „Добъ! Жако“!

Лице викарія повеселѣло, а жена его сдѣлалась еще грустнѣй.

Войдя въ общую комнату, они увидали Доба, на плечѣ котораго сидѣла обезьяна.

— Ну, Добъ! сказалъ Мельвинъ, счастливо ли ты ходилъ? Не пришлось ли тебѣ голодать и мерзнуть въ эти три дня? Мы очень беспокоились о тебѣ.

— Намъ было отлично, отвѣчалъ Добъ, съ лицомъ, сіяющимъ отъ радости. Мы предиринимали путешествіе въ Лондонъ.

— Если тебѣ было тамъ хорошо, сказала Жанна, нѣсколько насмѣшливо, что же ты тамъ не остался?

— Надобно было вернуться, отвѣчалъ Добъ, не правда ли Жакъ?

Обезьяна сморщила лобъ и кивнула головой.

Затѣмъ Добъ принесъ сѣрый полотняный мѣшокъ, биткомъ набитый съѣстными припасами.

— Могли ли мы съѣсть все это, когда знали, что вы нуждаетесь, сказалъ Добъ радостно.

Жанна отъ удивленія не знала, что сказать.

— Мы заработали это съ Жакомъ въ Лондонѣ честнымъ образомъ, продолжалъ мальчикъ, но это еще не все. Онъ вытащилъ изъ кармана сложенный листъ бумажки и глазамъ удивленной семьи представилась мѣдная и серебряная монета, всего на три шиллинга.

— Какъ же ты разбогатѣлъ! сказала радостно Жанна.

— Это не мое, отвѣчалъ Добъ, это часть моего долга вамъ. Я буду всякую недѣлю отправляться въ Лондонъ съ Жакомъ и приносить вамъ новые запасы до тѣхъ поръ, пока ихъ будутъ давать.

— Благородное дитя! сказалъ глубоко тронутый викарій, и отъ души обнялъ добраго мальчика. Мы по братски дѣлили съ тобой нашу бѣдность, и я не стыжусь раздѣлить съ тобой твое богатство.

Вся семья весело принялась за угощеніе, какого еще никогда не видала.

— Не слышалъ ли ты чего, спросилъ викарій, на счетъ банковаго билета? не попадалась ли тебѣ газета? Мировой судья даетъ мнѣ свою изъ любезности читать, но онъ получаетъ ее нѣсколькими днями позже.

— Вѣдь я не умѣю читать, отвѣчалъ Добъ, краснѣя; говоря это, онъ взялъ бумагу, въ которую были завернуты деньги. Я едва знаю, что эта большая буква называется М.

— А! это листокъ изъ утренней газеты,—покажи-ка ее мнѣ!

Перечитывая листокъ, викарій вдругъ поблѣднѣлъ, газета выпала у него изъ рукъ. Взоръ его съ благодарностью обратились къ небу.

— Что съ тобой? спросила Жанна.

Викарій молча указалъ на слѣдующій отрывокъ:

„Доброму приходскому викарію Мельвину въ Гленвилѣ сообщаютъ, что пятифунтовый билетъ принадлежитъ услужливому проводнику въ Монмутъ.“

Жанна прочла эти слова со слезами радости. Навѣрное семья викарія испытывала въ это время болѣе счастья, нежели серъ Фарвель, выигравши свои тысяча шестьсотъ фунтовъ.

VII.

Ящикъ.

— У меня такъ много золота и серебра, думалъ пасторъ Виквиль, что я не знаю, куда бы его и спрятать отъ воровъ. Поѣду-ка въ Лондонъ и обращу мою монету въ банковые билеты: они будутъ мнѣ приносить проценты и прятать ихъ гораздо удобнѣе. А хотѣлось бы мнѣ скорѣе взыскать съ Мельвина вычетъ за покраденныя церковныя вещи—на нихъ я опять пріобрѣлъ бы украденные.

Но этому намѣренію не суждено было сбыться. Наканунѣ отъѣзда пастора нашли утромъ въ постели покончившимъ жизнь отъ удара.

Въ тотъ же день съѣхались къ нему наслѣдники и раздѣлили между собой все его богатство, а ничего не стоящія хозяйственныя принадлежности продали съ молотка. Мельвинъ купилъ себѣ старый тяжелый деревянный ящикъ за полтора шиллинга.

Пришедши домой, онъ бросилъ его на полъ, говоря женѣ съ довольнымъ видомъ: „я купилъ этотъ ящикъ вмѣсто того, въ которомъ покоится наша Мили. Тутъ одно дерево стоитъ дороже.“

— Покойный Виквиль былъ правъ, говоря, что ты не умѣешь расходовать деньги, замѣтила Жанна. Къ чему намъ мучной ящикъ безъ муки?

— Въ этомъ ящикѣ можно устроить отличное жилище Жаку. Однако, какое толстое дно! внутреннія доски сдѣланы

изъ другаго дерева. Дай-ка мнѣ Жанна топоръ. Лишнія доски мы можемъ употребить на дрова.

Викарій принялся за работу. Дно оказалось двойное, когда же верхняя доска была приподнята, то изъ подъ нее посыпались какіе-то тяжелые свертки. Изъ свертковъ блеснуло золото—въ нихъ было завернуто четыреста вновь отчеканенныхъ гиней.

Всѣ были пораженные никогда невиданнымъ зрѣлищемъ. Мельвинъ, тяжело вздохнувши, взглянулъ на жену свою.

— Боже мой, какое счастье! воскликнула Жанна. Ты не хотѣлъ просить о мѣстѣ покойнаго пастора, потому что неловко явится къ министру въ обгорѣвшемъ сюртукѣ; деньги эти откроютъ тебѣ путь къ избранной цѣли.

Не отвѣчая ни слова, Мельвинъ быстро собралъ все золото и снова всыпалъ его въ бумажные свертки.

— Что ты хочешь дѣлать? спросила Жанна.

— Возвратить настоящему владѣльцу, отвѣчалъ рѣшительно Мельвинъ.

— Да ты съ ума сошелъ! воскликнула Жанна. Развѣ ящикъ со всѣмъ, что въ немъ содержалось, не наша собственность,—вѣдь ты купилъ его?

Не отрываясь отъ работы, Мельвинъ возразилъ.

— Неужели ты думаешь, что мнѣ за полтора шилинга уступили четыреста гиней? А дѣти,—какой примѣръ для нихъ!

— Богъ услышалъ нашу молитву и послалъ намъ этотъ ящикъ, чтобы мы не нуждались болѣе.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мельвинъ, это золото не наше, должно его возвратить по принадлежности.

Когда свертки съ золотомъ были уложены, викарій взялъ ихъ и поспѣшно направился къ дому пастора. Удивленные его безпримѣрною честностью родственники взяли гиней и ничего ему за это не дали.

Викарій весело возвращался домой. Слава Богу, думалъ онъ дорогою, что золото не въ нашемъ домѣ. У насъ есть теперь пища и одежда, благодареніе Господу Богу.

VIII.

Добъ и его обезьяна.

Прошли двѣ недѣли. Пятифунтовый билетъ былъ почти весь израсходованъ и радостнаго впереди ничего не предстояло. На мѣсто пастора явилось множество просителей, и уже былъ назначенъ какой-то счастливецъ, благодаря старанію одного вліятельнаго лица.

Мельвинъ спокойно продолжалъ учить Доба читать и писать.

Когда мальчикъ увидалъ опять нужду въ домѣ, то снова отправился съ обезьяной въ Лондонъ.

Недалеко отъ зданія парламента онъ остановился и громко сказалъ, обращаясь къ пестрой полпѣ народа:

„Милорды и миледи! позвольте мнѣ рассказать исторію, которая случилась на самомъ дѣлѣ недалеко отъ Лондона. Бѣдный сирота моихъ лѣтъ, съ меня ростомъ, одѣтый также какъ и я, нѣсколько недѣль тому назадъ въ одинъ холодный, зимній вечеръ пришелъ со своей маленькой обезьяной, составлявшей все его богатство, во дворъ богатаго приходскаго пастора, съ просьбой дать ему кусочекъ хлѣба и приютить на ночь въ конюшнѣ. До смерти уставшаго мальчика съ обезьяной на плечѣ выгнали вонъ, и онъ долженъ былъ въ темнотѣ продолжать свой путь. Дрожа отъ холода, онъ едва добрѣлъ до обломка обвалившейся стѣны, на которую присѣлъ и, въ ожиданіи смерти, уснулъ. Холодъ былъ жестокий—мальчикъ замерзъ. Обезьяна оказалась сострадательнѣе христіанскаго пастора: она соскочила съ плеча мальчика и прикрыла его своимъ мохнатымъ тѣломъ. При этихъ словахъ Жакъ сѣлъ къ Добу на колѣни и крѣпко его обнялъ.

Многіе прохожіе останавливались и смотрѣли на эту трогательную картину.

Добъ продолжалъ: „въ этомъ безпомощномъ состояніи мальчикъ былъ найденъ на слѣдующее утро бѣднымъ ви-

кариемъ, который съ женой и восемью дѣтьми долженъ былъ прожить на сорокъ пять фунтовъ стерлинговъ круглый годъ. Не долго думая, взвалилъ добрый викарій безжизненнаго мальчика къ себѣ на плечи и понесъ его вмѣстѣ съ обезьяной въ свой домикъ, гдѣ съ Божьей помощію возвратилъ его къ жизни, заботился о немъ и дѣлилъ съ нимъ и съ его обезьяной послѣдній свой картофель. Милорды, миледи! Этотъ спасенный мальчикъ стоитъ со своей вѣрной обезьяной передъ вами и смиренно проситъ васъ помочь бѣдному викарію, который можетъ умереть съ голода съ женой и дѣтьми въ богатой, великодушной Англіи.“

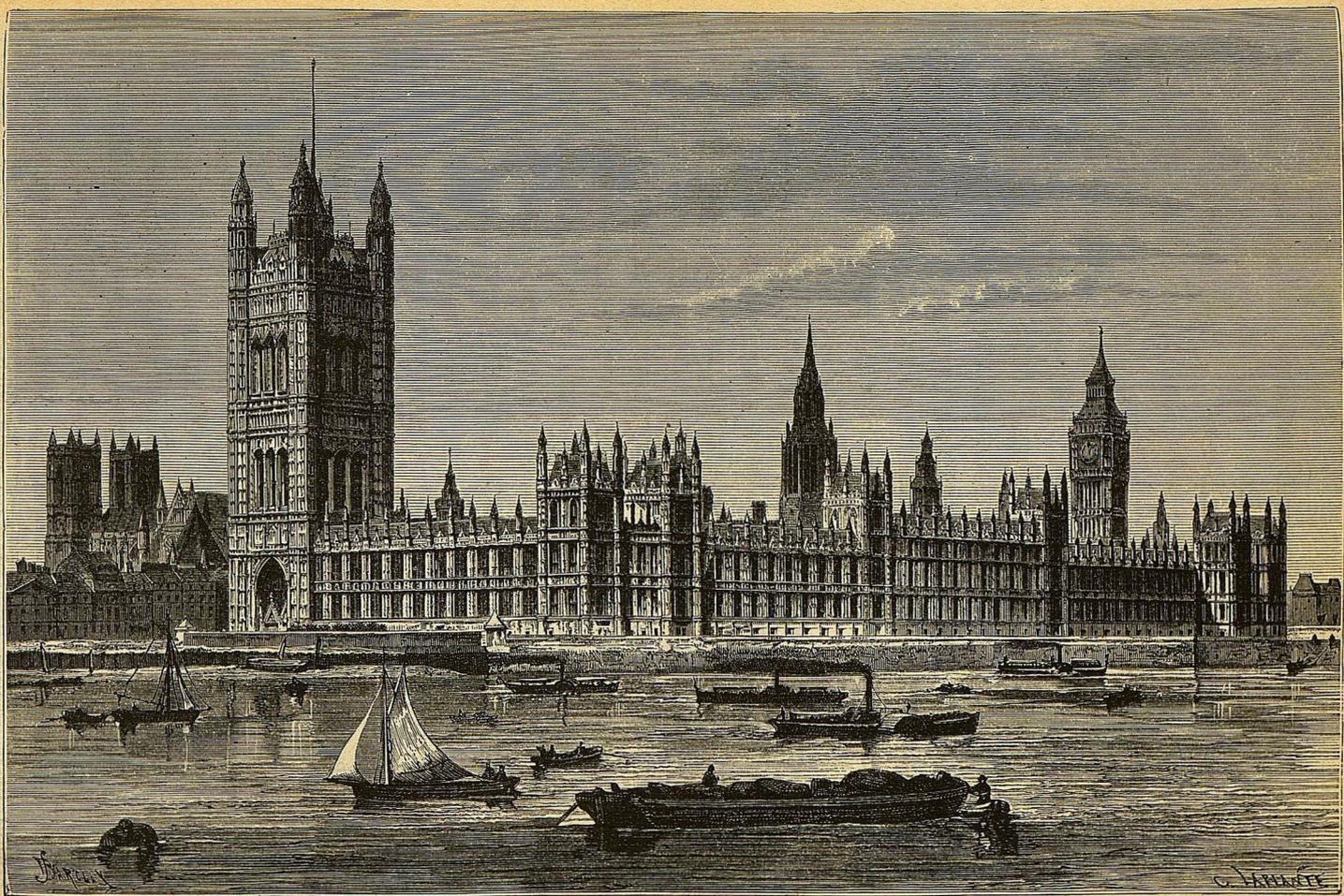
Со шляпой въ рукахъ и съ обезьяной, которая съ умоляющимъ видомъ протянула обѣ руки, обомлель Добъ всѣхъ зрителей и всѣ ему дали, кто сколько могъ.

— „Милорды и миледи! снова началъ Добъ, ваша доброта трогаетъ меня до слезъ. Вы сдѣлали доброе дѣло! Выслушайте же до конца мою исторію. Случилось такъ, что пасторъ внезапно умеръ и викарій купилъ себѣ изъ его имущества старый деревянный ящикъ, который онъ назначалъ для муки, такъ какъ за неимѣніемъ гроба, онъ похоронилъ свою маленькую дочку въ своемъ мучномъ ящикѣ. При внимательномъ осмотрѣ, въ ящикѣ нашли двойное дно, а въ немъ четыреста гиней, которыя превратили бы бѣднаго викарія въ богатаго человѣка. Но что же онъ дѣлаетъ! Не слушая жену, не думая о самомъ себѣ, относитъ онъ найденную сумму безчувственнымъ наслѣдникамъ, которые ничѣмъ за это не вознаградили честнаго человѣка. Что вы на это скажете?“

Улыбаясь и недовѣрчиво покачивая головой, слушатели разошлись.

Только два отлично одѣтые джентельмена подошли къ Добу и спросили его:—скажи намъ мальчикъ, какъ зовутъ героя твоей чудесной исторіи?

— Я не знаю, смѣю ли сказать это, вѣжливо отвѣчалъ Добъ.

ВИДЪ АНГЛІЙСКАГО ПАРЛАМЕНТА.

— Стало быть, ты говоришь неправду, и вся твоя исторія выдумка.

— Я скажу вамъ его имя, если вы непремѣнно хотите, воскликнулъ оскорбленный Добъ. Это приходскій викарій Мельвинъ изъ Гленвиля.

— Теперь я повѣрю, сказалъ одинъ изъ слушателей, онъ одинъ способенъ на это.—Стибсь! продолжалъ онъ, обращаясь къ своему спутнику, грѣшно было бы второй разъ забыть объ этомъ честномъ человѣкѣ. Это онъ выкинулъ со мною штуку съ пятифунтовымъ билетомъ.

Они удалились, а Добъ направился въ слѣдующую улицу, чтобы повторить свой рассказъ, всегда имѣвшій успѣхъ.

— Хотя бы Добъ вернулся! сказала Жанна Мельвину: онъ никогда не приходитъ съ пустыми руками.

— Да, отвѣчалъ викарій, бѣдный мальчикъ съ избыткомъ заплатилъ намъ за то, что мы спасли его отъ мнимой смерти. Еслибы не нужда, я бы никогда не пустилъ его въ Лондонъ; боюсь, какъ бы не случилось тамъ съ нимъ несчастія.

— Въ это время онъ обыкновенно уже возвращается. Посмотри Мельвинъ, что это? никакъ карета четверкой направляется къ нашему домику. Ужъ не ѣдетъ ли къ намъ новый пасторъ?

— Не думаю, отвѣчалъ удивленный викарій. Я долженъ первый посѣтить пастора.

— Въ самомъ дѣлѣ, карета подъѣзжаетъ къ намъ.

— Пожалуйста Жанна, выйди на встрѣчу, пока я приведу въ порядокъ свое платье! Жанна въ дверяхъ домика встрѣтила незнакомаго слугу, который вѣжливо спросилъ ее: „дома ли господинъ приходскій викарій Мельвинъ?“

Жанна съ низкимъ поклономъ отвѣчала утвердительно. Слуга вошелъ въ комнату и, обратясь къ смущенному Мельвину, сказалъ почтительно: „Милостивый Государь, его свѣтлость первый министръ лордъ Хоуп проситъ васъ почкорно немедленно пріѣхать въ Лондонъ.“

— Какъ? прошепталъ Мельвинъ, въ Лондонъ? къ господину министру?

— Точно такъ, отвѣчалъ слуга важно.

— Не знаете ли вы, почтеннѣйшій, зачѣмъ я понадобился министру? спросилъ викарій.

— Господинъ лордъ не нашель надобнымъ сообщить мнѣ; это—его тайна.

— Я не могу явиться къ его свѣтлости въ этомъ сюртукѣ; вы видите огромное коричневое пятно у меня на спинѣ—это прогорѣло.

— Увѣряю васъ, его свѣтлость не обратитъ на это никакого вниманія.

Парикъ мой никуда не годится!

— Бросьте его: онъ давно уже вышелъ изъ моды, ваши каштановые волосы гораздо красивѣе.

Викарій успѣшилъ проститься съ семьей.

— Мнѣ не зачѣмъ говорить тебѣ, милая Жанна, сказалъ онъ, чтобы ты заботилась о нашихъ дѣтяхъ. Если тебѣ понадобятся деньги, продай что нибудь, безъ чего можно обойтись—можетъ быть и Добъ скоро вернется. Прощайте дѣти! будьте здоровы, слушайтесь матери. Да хранить васъ Богъ.

Викарій сѣлъ въ карету и съ стѣсненнымъ сердцемъ поѣхалъ въ столицу.

IX.

П и р ъ.

Викарій пріѣхалъ въ Лондонъ уже поздно вечеромъ, утомленный длинной дорогой. Карета остановилась у подъѣзда большого, ярко освѣщенного дома. У Мельвина закружилась голова, когда онъ проходилъ за слугой по гладко натертому паркету, рядомъ роскошныхъ комнатъ, и готовъ былъ провалиться сквозь землю, при входѣ въ отдаленный залъ, гдѣ очутился среди многочисленнаго общества дамъ и кавалеровъ. Въ залѣ къ нему подошелъ господинъ величе-

ственной наружности, украшенный многими орденами, и подалъ ему руку, говоря: Добро пожаловать, дорогой Мельвинъ! отъ души радъ видѣть васъ у себя. Вы сегодня мой дорогой гость. Господа! обратился министръ къ обществу, имѣю удовольствіе представить вамъ честнаго викарія изъ Гленвила.

Тутъ только Мельвинъ, къ своему великому изумленію, замѣтилъ, что всѣ эти знатные гости собрались вокругъ нихъ и дружелюбно смотрѣли на него. Нѣкоторые подходили къ нему и жали ему руку.

— Вы не узнаете насъ? сказалъ одинъ изъ посѣтителей. Я Паркеръ, это Стибсъ, а это Фарвель; вы видите здѣсь все общество охотниковъ, которое нѣсколько недѣль тому назадъ чуть-чуть не задавило васъ. Разкажите пожалуйста, какимъ образомъ вы спасли жизнь маленькому мальчику съ обезьяной и про ящикъ съ двойнымъ дномъ, который вы приобрѣли на аукціонѣ у вашего пастора.

— Откуда вы все это знаете? спросилъ удивленный викарій.

— Отъ мальчика съ обезьяной: его рассказъ глубоко насъ тронулъ.

Викарій съ величайшей скромностью разсказалъ всѣ свои приключенія.

Дворецкій доложилъ, что готовъ ужинъ.

Министръ указалъ викарію мѣсто на право отъ себя. Всѣ обратили взоры на викарія; сильно сконфуженный оказаннымъ ему предпочтеніемъ, Мельвинъ снялъ салфетку со своей тарелки. Каково же было его изумленіе, на тарелкѣ онъ увидалъ груды золота. Всѣ присутствующіе весело смотрѣли на викарія, съ чувствомъ еще никогда не испытаннаго наслажденія.

Вслѣдъ за этимъ министръ всталъ, поднялъ бокаль, наполненный шампанскимъ, и громкимъ голосомъ сказалъ: за здоровье честнаго викарія Мельвина и его семейства. Всѣ съ удовольствіемъ осушили свои бокалы. Мельвинъ молча смо-

трѣль на золото. Министръ ласково сказалъ ему: спрячьте его въ карманъ! это тѣ гинеи, которыя вы отдали скупымъ наслѣдникамъ; теперь онѣ ваша законная собственность.

Министръ самъ всыпалъ деньги въ широкій карманъ викарія. Отъ сильнаго волненія Мельвинъ не могъ выговорить ни слова; горячія слезы благодарности лились по его лицу.

Послѣ ужина, слуга министра провелъ викарія въ назначенную ему комнату: тамъ была приготовлена для него роскошная постель.

Помолившись Богу, Мелвинъ легъ въ постель и скоро уснулъ.

Было уже поздно, когда онъ проснулся на слѣдующее утро. Ему подали въ спальную богатый завтракъ. Министръ прислалъ попросить у него извиненія, что не можетъ принять его, потому что онъ очень занятъ.

Спустя немного времени, слуга доложилъ, что карета заложена, отвести его домой. Мельвину сильно хотѣлось поскорѣе раздѣлить свою радость съ женою и дѣтьми, а потому извѣстіе это очень его обрадовало.

Садясь въ карету, онъ изумился, увидавъ въ ней баронета Паркера.

— Я попросилъ у его свѣтлости позволенія проводить васъ до вашего дома. Садитесь пожалуста! надѣюсь, разсказъ о вашей замѣчательной жизни сократитъ нашъ длинный путь.

Они поѣхали.

Не далеко отъ Гленвиля, кучеръ вдругъ остановился въ какомъ то лѣсу.

— Что случилось? крикнулъ Паркеръ изъ кареты.

— Постромка порвалась, ваша милость, отвѣчалъ кучеръ, слѣзая.

Какой то человѣкъ, рубившій дрова, вышелъ изъ лѣсу, чтобы помочь исправить случившееся.

Мельвинъ узналъ Дудлея: это вы Дудлей? сказалъ онъ, какъ вы поживаете?

— По немножку, ваше преподобіе. Я честно зарабатываю свой хлѣбъ. А Паткинсъ и Берклея пойманы въ новомъ грабежѣ и черезъ два дня будутъ повѣшены.

— Приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ, Дудлей: мнѣ надобно сообщить вамъ кое-что.

— Слушаю, ваше преподобіе, отвѣчалъ Дудлей съ низкимъ поклономъ.

Карета поѣхала дальше.

— Стой, кучеръ! вскричалъ вдругъ викарій, постучавъ въ окно кареты, эта дорога ведетъ къ пасторскому дому.

— Онъ ѣдетъ туда, куда слѣдуетъ, сказалъ Паркеръ: я по порученію его свѣтлости долженъ посѣтить новаго пастора!

Паркеръ вышелъ изъ кареты и, держа руку викарія, подошелъ къ представителямъ общины; они почтительно сняли передъ ними шляпы.

— Въ лицѣ господина Мельвина, сказалъ онъ, представляю вамъ вашего новаго пастора, которому съ этихъ поръ вы должны оказывать любовь и довѣріе. Надѣюсь, что этотъ выборъ, сдѣланный самимъ министромъ, доставитъ вамъ полное удовольствіе.

Радостнымъ крикомъ привѣтствовали присутствующіе новаго пастора. Всѣмъ хотѣлось пожать руку честному, уважаемому викарію.

Паркеръ повелъ сіяющаго Мельвина въ приходскій домъ. Тамъ онъ увидѣлъ множество разныхъ вещей, присланныхъ ему министромъ на новоселье въ подарокъ.

Когда же Мельвинъ отворилъ дверь своей комнаты, то увидалъ тамъ всѣхъ дѣтей своихъ, жену и Доба съ обезьяной. Всѣ съ радостными криками бросились на шею счастливому отцу. Обезьяна, видя общій восторгъ, прыгала и кувыр-калась.

Обнимая Доба, Мельвинъ сказалъ: теперь ты будешь моимъ сыномъ, Добъ, и никогда болѣе не покинешь насъ.

— И Жакъ также! закричали дѣти.

— Разумѣтся, отвѣчалъ новый пасторъ, а когда придетъ Дудлей, пускай и онъ приметъ участіе въ нашей радости.

— А кто у насъ будетъ викаріемъ, спросила Жанна.

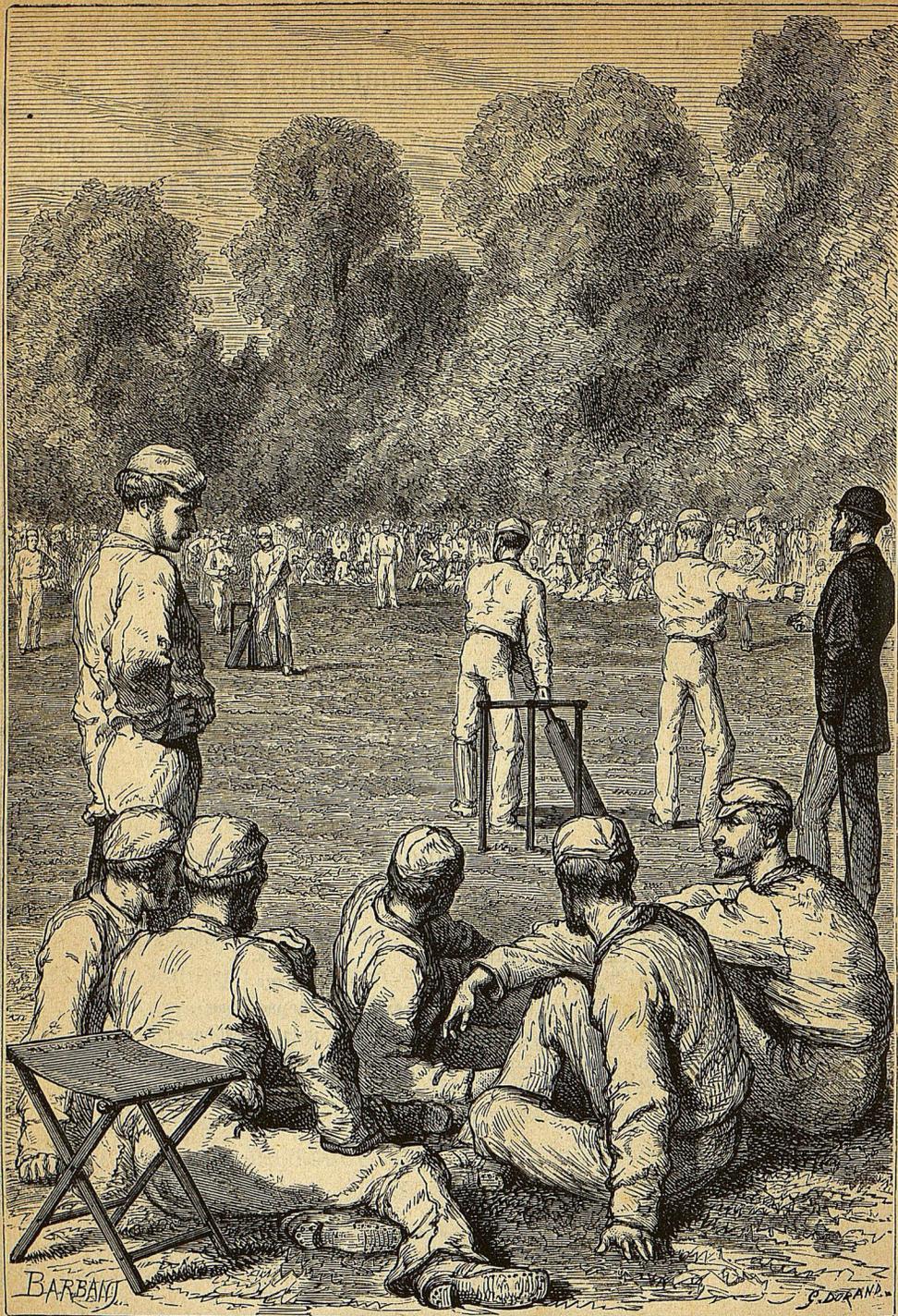
— Никто, отвѣчалъ Мельвинъ: я самъ буду исполнять обязанности священника, а наши богатые доходы употребимъ на добрыя дѣла.

Р. Ловягина.

Передѣлано съ нѣмецкаго.

ОПЕЧАТКИ ВЪ СТАТЬѢ „ПЕРЕПИСКА ДВУХЪ ДРУЗЕЙ“ ВЪ № 32.

стр.	строк.	напеч.	слѣд. читать.
927	14	ялоки	яблоки.
—	19	родится	рдится.
—	21	убираетъ постель ея	убираетъ ее.
—	22	взбивается	постель взбиваетъ.
928	3	Жозежу	Жозефу.
—	8	дядина	добраго.

АНГЛІЙСКІЕ ТИПЫ: ИГРА ВЪ КРИКЕТЪ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 августа 1861 г.

Типографія А. С. Суворина. Вртелевъ пер., д. № 11—2.